

словесности, и наоборот, в произведениях устной словесности — элементы письменной традиции. Таким образом, в процессе создания некоторых литературных памятников наблюдается своего рода диффузия словесного и идейного материала.

Как показывает наблюдение, в литературной области, нас интересующей, заимствования не остаются «инородным телом»: они часто прочно врастают в новую среду и имеют в ней свою судьбу; сокращаются, распространяются, варьируются, значительно видоизменяясь, несут различные функции, сообразно потребностям времени и культуре того класса, который их использует; такова, например, судьба Александрии в восточнославянских литературах, таковы, например, изображения весны у Григория Назианского и его русских подражателей и пр. «Заимствованное» — в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального, и так же как оно — в истории нашей литературы испытывает воздействие социальных сдвигов в обществе, в котором оно бытует.

Мы пришли к определению литературного заимствования, как перенесения литературного памятника в новую языковую среду, в культурную среду новой нации, а также перенесение писателем в свое произведение идейного и формального материала из литературной продукции предшественников и, иногда, современников. Это перенесение бывает намеренным, сознательным (плагиат, подражание), или ненамеренным, основанным на воспоминании о прочитанном или услышанном (влияние, реминисценция).

Случайно или неслучайно происходит такое перенесение? Многих соблазняла мысль признать его случайным. Но случайности нет. Писатель, будь он древний или новый, часто спокойно проходит мимо тысяч литературных образцов, мимо высказываний массы поэтов-предшественников, но не заражается их идеями, не запоминает, не усваивает себе их словесных форм настолько прочно, что они становятся для него родными, — и только в некоторых случаях из массы материала, созданного его предшественниками, берет нечто, оформляя по своему. И делает он это постольку, поскольку этого требует жизнь, т. е. весь комплекс окружающих его условий существования в той общественной ячейке, к которой он принадлежит, чьею болью боится, чьею радостью радуется. Среди этих условий, определяющих отношение писателя к жизни, — существенное место принадлежит классу, представителем которого является данный писатель, классу, чье задание он выполняет в своем творчестве. Громадное большинство древнерусских писателей в своих произведениях дают реминисценции из произведений греков, в которых слышится отстаивание интересов феодальной